

8

КУЛЬТУРА

● «ОСТАПУ БЕНДЕРУ» ПОШЕЛ СЕДЬМОЙ ДЕСЯТОК

Архивист и факты - 1995 - сект. (N37) - с. 8.

Сергей Юрский: «Хочу, чтобы в театр приходили случайные люди»

Осень. Театры открывают сезон. И естественно, что разговор с известным актером и режиссером Сергеем ЮРСКИМ - о том, какие герои и какой зритель интересны сегодняшнему театру.

- У вас огромный сценический опыт. Зрители вас любят. Остались ли для вас тайны во взаимоотношениях «актер - зритель»?

- Я много раз сталкивался с готовыми штампами восприятия, которые очень трудно преодолеть. Зрители смотрят не своими глазами. Они смотрят через фильтры, которые дают им культура, общественное мнение, престижность которого они доказывают выражением определенной точки зрения. «Я культурный человек, поэтому я так думаю». То, что они видят на самом деле, для них зачастую остается невидимым. Я говорю о культурном слое зрителей, потому что с ними в основном и возникают проблемы. Это и усложняет работу, и вместе с тем делает ее интересной. Но если бы на спектакли ходила только подготовленная публика, вернее, полуподготовленная, то я бы воспользовался своим правом пенсионера и покинул театр. Я рад, что работаю в нормальном театре, в котором много случайной публики. Эти люди смеются там, где им смешно, кашляют и шуршат там, где им скучно. И это очень важно. Если эти люди без фильтров на глазах будут от театра отеснены (а сейчас есть такая тенденция - создать элитарное искусство), для театра это будет не во благо. Полагаю, что театр для знатоков может существовать, но не может заменить тот театр, который МХАТ в свое время назвал «общедоступным», и в котором люди смотрят своими неумелыми, всегда как новички, глазами.

- А что сегодня, на ваш взгляд, интересно зрителям?

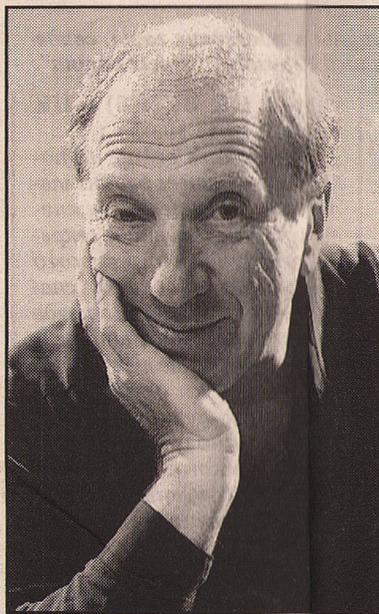
- Я сейчас читаю очень много пьес современных, только что написанных. Смотрю классику. И от имени воображаемых прекрасных зрителей пытаюсь найти ответ на этот вопрос. Правда, зритель всеяден. Я много смотрю спектаклей. Иногда вижу безобразный спектакль, пошлый до невозможности, и при этом полный зрительный зал и полное приятие. Так что зритель ест то, что ему дают. Но есть некая божественная струна, и если она цеп-

ляет в общем аккорде, то это чувствуют и актеры, и зрители. И хочется играть. Или она не цепляет, и тогда с ужасом думаешь: «Неужели придется повторять это изо дня в день только потому, что надо питаться и получать деньги?» Это очень тяжелый путь для искусства - работать потому, что деньги платят.

- В прошедшем сезоне вы блестяще сыграли Фому Опискина. Мы привыкли: Фома Опискин - воплощенное зло, русский Тартюф и т. д. А у вас он получился обаятельным.

- И залу нравится. И вообще с ним все нормально. На Тартюфа он не похож совершенно.

«Русский Тартюф» - это из области критики. Это же не Достоевский сказал: «Напишу-ка я русского Тартюфа». Он писал Фому Опискина. И написал то, что написал. Вообще, когда я ставил или играл классику, я много раз сталкивался с тупостью общественного мнения, которое тоже порождено раз и навсегда вбитыми штампами - относительно классики эти штампы особенно прочно вбиваются и даже переходят из века в век. Я смотрю на Фому Опискина, вернее, не смотрю, я его играю... Фоме предлагают 15 000 рублей. По нынешнему счету это даже не 15 000 долларов, а гораздо больше. И он от них отказывается. Он разводит целую театральную сцену, как он обижен! «Он не взял 15 000, чтобы потом взять 30 000», - говорит другой персонаж, один из самых корыстных у Достоевского. Но... возврата к деньгам нет. Он их так и не взял. Можно проследить и другие поступки Фомы. И получится, что да, у него есть пороки - про это вся роль. И главный порок -

учительство, мессианство, желание создать собственную теорию жизни и во всех ее внедрить. Но если отвлечься от этого нежелания слушать, то в проповедях Фомы немало вещей правильных.

- Действительно, «Комаринская», на которую Фома обрушивает свой гнев, - дурацкая песня...

- Вот в том-то и дело. Правда, он развел из этого такое представление! Но смотрите, что получается. Этого несчастного мальчишку, который на заднем дворе похабную песню триндит, не понимая ее смысла, он решил воспитать! Но когда, в конце

пьесы этого мальчишку обругав, он говорит: «Поди сюда. Дайте ему сахару», - публика радостно смеется. Играя Фому, я имел в виду конкретных людей сегодняшнего дня - в пластике, в мимике, в интонациях. Вообще черты Фомы Опискина рассыпаны во всех людях. Достоевский показал гиперболизированный порок человеческий - и самодовольство, и желание много говорить, много учить, много интервью давать, по телевидению выступать, повторять одно и то же, обижаться и обижать людей за то, что они тебя обидели. Это все, может, и ужасно, но... чело-вечно.

- У вас были моменты, когда на сцене вам становилось скучно?

- Сейчас довольно редко, потому что я не так много играю и стараюсь соблюдать некую равномерность. Но раньше бывало. Больше всех третей о текст не автор, не режиссер, а актер. Вот кто определяет, есть ли в этом всем столько содержания, столько юмора, столько пре-

лести, чтобы повторять это бесконечно. Думая об этом, я ищу для будущей постановки пьесу, рассказ, автора...

- А в каком направлении вы ищите, есть же какой-то внутренний ориентир?

- Веселая злость. Вот то самочувствие, которое бы меня вдохновило. Может быть, Островский - этот автор у меня всегда в поле зрения. Может быть, Шекспир. Я обожаю Ибсена, но там не хватает первой части этой формулы. А сейчас мне бы хотелось, подчеркиваю, веселую злость.

- Вы капризны?

- Нет, я совсем не капризен. Просто иногда не нравится произведение, которое предлагают. И на мой вопрос: «А для чего вы хотите это сделать?» - режиссер отвечает: «Странный вопрос. Это же искусство!» Но так можно морочить голову публике, которая некультурна, и на фразу: «Я не понимаю» - ответить: «Не понимаете? Значит, вы искусство не понимаете». Но меня-то нечего морочить, я сорок лет общаюсь с публикой.

- В выборе произведения вы доверяете своей интуиции, и поэтому так органичны в спектаклях. Так было всегда или это пришло с годами?

- Наоборот, меня много лет обвиняли в неорганичности. Существует штамп, который ко мне «приклеен». Что я, дескать, актер интеллектуальный. Бывают актеры, которые играют душой, а я - головой. А вы делаете мне комплимент, и я его с удовольствием принимаю.

- Вы в этом году справили юбилей - 60-летие.

- Я как раз и не собирался справлять. Мы сыграли «Опискина». Но так получилось - почти справленный юбилей. Громадное количество телепередач, статей. К тому же все увенчалось орденом. У меня никогда не было никаких правительственных наград. А теперь вот я орденосец.

- Зрители никогда не смиряются с тем, что Остапу Бендеру 60 лет (у многих вы ассоциируетесь именно с этим персонажем). А вы ощутили груз прожитых лет?

- Могу сказать, что 10 лет назад я был лет на 15 старше. Почти как у Хармса: «Я был очень мрачным стариком». Так вот, это все позади. Я уже не мрачный и не старик, хотя лет мне прибавилось сильно.

Наталья ЗЕМЛЯКОВА
Фото Тимура Гриба